

Глава 2. Опасность в степи

В наш век развитого интернета многие, вероятно, задумывались о карьере в медиа. В сети полно историй о том, как блогеры зарабатывают огромные деньги за час рекламы, из-за чего создаётся впечатление, что это лёгкая и прибыльная работа.

На самом деле, когда начинаешь этим заниматься, понимаешь, что всё не так просто. Сбор материала, монтаж — всё это требует уймы времени. Нужно продумывать темп ролика, искать уникальный контент, постоянно быть в поиске новых идей.

В эпоху интернета внимание зрителя на контенте задерживается не более трёх секунд. Если за это время вы не смогли его зацепить, он просто пролистнёт дальше. Именно поэтому видео становятся всё короче, а авторы стараются уместить всю информацию в одну минуту.

Конкуренция в моей нише — путешествиях — огромна. Таких, как я, бесчисленное множество. Сначала я привлёк внимание темой «бюджетных путешествий», но вскоре и этот сегмент переполнился. Появились те, кто умудрялся странствовать семь дней и шесть ночей за сущие копейки. Мне с ними было не тягаться.

Поэтому я сменил тактику и переключился на «советы по экономии». Это позволило мне ещё какое-то время оставаться на плаву. Но, по правде говоря, способы сэкономить в городах и посёлках довольно однообразны. В конце концов всё сводится к одному и тому же. После десятка роликов любой подписчик мог бы снять такое же. Постепенно я начал терять популярность.

К тому же путешествия не всегда так увлекательны, как кажется. Проведя много времени в дороге, я и сам начал терять к этому интерес. Препрежнее волнение от посещения новых мест постепенно угасло. Если не считать поездок в глухие деревни, большинство локаций казались мне похожими друг на друга. У меня не было уникального опыта, который мог бы по-настоящему удивить зрителей.

Некоторые снимают по сценарию. Жизнь не всегда полна ярких событий, а люди в интернете ищут именно этого — чего-то, что отличается от их собственной рутины. Но мне не нравилась идея постановочных съёмки. Единственным выходом было осваивать новые, неизведанные маршруты и показывать то, что мало кто видел.

К этому я готовился долго, около полугода. Я тщательно всё спланировал, изучил массу информации и только тогда решился на создание первого видео в новом формате.

В качестве цели я выбрал степь.

Во Внутренней Монголии много степных просторов. Помимо знаменитой Хулун-Буирской, есть и другие, менее освоенные, но не менее живописные. Лучшее время для посещения — июль и август. В этот период трава сочная, повсюду пасутся стада коров и овец — идеальные условия

для картинки.

Я выбрал местность недалеко от границы с Монголией. Эта территория носила имя Япутана, что означало «Чёрная гора». Говорят, в ясную погоду оттуда открывается вид на горный хребет Большой Хинган. Величественные тёмные силуэты гор на горизонте, без единого препятствия на пути — должно быть, это захватывающее зрелище.

Об этом месте мало кто знает, и в год туда отправляется всего одна-две группы туристов. Пейзажи там сохранили свою первозданную, нетронутую красоту. В отличие от популярных туристических точек, быт местных жителей там более аутентичен, в нём меньше показного. Это полностью соответствовало моей концепции глубокого погружения.

Там также сохранились древние верования. Путешественники, бывавшие там, советовали не трогать вещи в домах хозяев, чтобы не вызвать их недовольство.

«Разве это не элементарная вежливость?» — подумал я.

Если так, то беспокоиться не о чем.

«Я не из тех блогеров, что ищут дешёвой популярности, провоцируя людей»

В начале июля я договорился с караваном и отправился во Внутреннюю Монголию. Чтобы сэкономить и заодно собрать материал, я поехал на поезде в плацкартном вагоне.

Сначала мне нужно было добраться до Холин-Гола, а оттуда уже на машинах до Чёрной горы. Несмотря на наличие скоростных экспрессов, железная дорога всё ещё остаётся популярным видом транспорта. Мой вагон был забит до отказа. Многие ехали в степь на отдых или возвращались домой. В поезде было довольно шумно, в воздухе стоял стойкий запах пряных семечек и дорожной суеты.

В моём купе ехала пара и трое мужчин, знакомых между собой. Я сидел на нижней полке. Они разговорились и спросили меня, куда я еду.

— Путешествую, — ответил я. — А вы?

Они сказали, что на работу. Мы немного поболтали. Было очевидно, что они не монголы. У монголов обычно высокие скулы и часто встречается моноэпикантус. Эти же были похожи на северян, хотя один, самый смуглый, мог быть и с юга.

Они рассказали, что сейчас, как и во время сбора урожая, у пастухов много дел. Им нужна помощь с выпасом и продажей скота. Собеседники оказались из тех, кто не имеет постоянного места и следует за сезоном, берясь за то, что подвернётся.

Но я им не поверил. Их было не меньше пятнадцати-двадцати человек, все крепкие мужчины с самыми разными акцентами. Я слышал, как они перекликались в проходе, и по их телосложению, манере общения и поведению они совсем не походили на крестьян.

Мне стало любопытно, чем они на самом деле занимаются и что за огромное стадо требует столько рабочих рук. Но раз они не распространялись, значит, мне и не нужно было знать. Я не стал расспрашивать.

Поезд шёл двое суток. Сойдя на перрон, я попрощался с ними и отправился на встречу с группой.

Руководителя группы звали Брат Ли. Это был мужчина средних лет, сильно загорелый и опытный — сразу видно, что не первый год в туризме. В его отряде было восемь внедорожников. Мы познакомились. У большинства уже был опыт поездок по равнинам, но несколько человек, как и я, оказались здесь впервые. Брат Ли поставил наши автомобили в середину колонны, чтобы мы не потерялись.

Я был в пятом экипаже. Передо мной, в четвёртом, ехала семья. За мной, в шестом — несколько пенсионеров, бывших одноклассников. В моем салоне было трое студентов — двое парней и девушка. Их друзья ехали в другой машине. Они решили провести каникулы в путешествии.

Вечером мы закупили еду и воду, а на следующее утро отправились в путь. Студенты были в восторге. Они постоянно заговаривали со мной, говорили, что я сам похож на учащегося и что они ещё вчера хотели спросить, из какого я университета, но не решались, так как я выглядел задумчивым. Сегодня они поняли, что я просто немного замкнут, и решили познакомиться.

Я и сам не помнил, о чём думал. После лечения мои эмоции стали более сглаженными. Когда ничего не происходит, я словно перехожу в энергосберегающий режим. Я стал более нелюдимым и не особо стремился вливаться в общие темы.

Мне было неловко признаваться, что я не закончил обучение, поэтому я сказал, что выпускник Университета Z по специальности ветеринария. Они учились на севере, но слышали об этом вузе и наперебой хвалили меня, называя гением. На каждой остановке они дружелюбно угощали меня чем-нибудь.

Степные пейзажи были поистине великолепны. Погода стояла прекрасная. В воздухе пахло свежей травой. Солнце пробивалось сквозь облака, а извилистые ручьи сверкали на лугах. Бескрайний простор вызывал желание запеть во весь голос.

Мы ехали по дороге, время от времени останавливаясь, чтобы пропустить стада овец или коров. Я глушил мотор и смотрел, как животные медленно бредут сквозь изумрудное марево густой травы, лениво пережёвывая жвачку. На душе постепенно стало спокойно.

Я понимал, почему постоянно нахожусь в пути и не хочу останавливаться. Так я пытался избежать мыслей о тех полутора годах. Каждый раз, когда я замедлял бег, мне казалось, что тень прошлого настигает меня. Я перегружал мозг информацией сверх меры, чтобы занять его делом и больше не вспоминать о случившемся.

Я знал, что это не самый здоровый способ справиться с травмой, но другого у меня не было. Я осознал, что какой бы сильной ни была воля человека, порой она бессильна перед чем-то более могущественным и неведомым.

Но человек всегда может убежать. И, по сути, я всё это время только и делал, что спасался бегством.

Мы проехали несколько достопримечательностей. Брат Ли выступал в роли гида и по рации рассказывал местные легенды. Я делал фото и видео, слушая его вполуха, надеясь набрать материала для ролика.

Но истории были довольно однообразными, некоторые даже казались прямыми переделками известных мифов. Пейзажи за окном были куда привлекательнее. Мы опустили стёкла. Студенты радостно кричали и пели. Я заразился их настроением и начал невольно отбивать такт рукой.

Мы любовались видами весь день, а в обед остановились на пикник у небольшого водоёма. Брат Ли сказал, что местные называют такие озёра «эпаоцзы». Они появляются в сезон дождей и исчезают в засуху. Вода в них неглубокая, но лезть в неё не стоит — дно может оказаться илистым болотом, в котором легко увязнуть.

Мы пообедали на берегу и продолжили путь на северо-запад. По дороге назад мы как раз должны были застать закат. Все достали телефоны, чтобы сделать снимки. Я тоже заснял, как багровое светило медленно погружается за горизонт.

Уже смеркалось. Мы выстроились в колонну, чтобы ехать на ночлег в юрты. Но не успели мы отъехать, как по рации сообщили, что один автомобиль отстал. Брат Ли велел всем остановиться и подождать.

Замыкающая машина вместе с Братом Ли поехала назад на поиски, а мы временно остались отдыхать. В этот момент один из парней в моем салоне сказал, что, кажется, оставил свой телефон на том месте, где мы только что стояли. Раз уж руководство всё равно возвращается, он тоже хотел бы поискать пропажу.

Я передал это по рации. Брат Ли велел ему пересечь к ним. Другой парень вызвался поехать за компанию, а девушка, естественно, не захотела оставаться одна. В итоге они все втроём ушли.

Я остался в одиночестве. Становилось всё темнее. На равнину опускался туман. Между моим

внедорожником и передним было небольшое расстояние, и раньше я мог видеть чужие габаритные огни. Но пелена сгустилась буквально за несколько минут, и красные точки сначала расплылись, а потом и вовсе исчезли.

Я проехал немного вперёд, но так и не увидел их. Несколько раз посигналил, но ни спереди, ни сзади никто не ответил.

Тут я понял, что дело плохо. Ещё ничего не произошло, но я почувствовал неладное. Даже если в степи по ночам бывает дымка, она не должна была возникнуть так быстро и быть настолько плотной. Если бы это было обычным явлением, Брат Ли наверняка бы нас предупредил.

Я снова попытался связаться по радиации, но ответа долго не было. Сигнал мобильной связи тоже пропал. Марево было таким густым, что, казалось, оно лезет прямо в лицо. На огромном пространстве, даже с включёнными фарами, я видел лишь на пару метров от капота.

Этот туман напомнил мне тьму в углу за дверью, щель под кроватью. В нём что-то таилось, готовое в любой момент выскочить мне навстречу.

В тот момент разум помутился. Животный инстинкт снова кричал мне бежать. На мгновение даже промелькнула мысль, что на людей впереди и сзади уже напали, и если я не уеду, то тоже здесь погибну.

Эта идея была совершенно иррациональной. Сейчас, вспоминая это, я понимаю, что, скорее всего, на меня что-то повлияло. Но тогда я не мог сопротивляться. Мне даже почудилось, что то дыхание, которое чуть не разрушило мою жизнь, снова здесь — на заднем сиденье, прямо у моего уха, оно наблюдает за мной и тихо выдыхает воздух.

Я думал, что за столько времени я справился с этим состоянием. Но мозг так не считал. Я впал в состояние острого стресса, как кошка, которую внезапно бросили в воду — обезумевший, готовый броситься хоть в пламя, лишь бы выбраться.

Я принял очень глупое решение.

После нескольких безуспешных попыток досигنالиться я проехал вперёд метров триста-четырёхста, но так никого и не встретил. Ладони вспотели, по телу пробежал озноб. Я отчётливо понимал, что это, скорее всего, проделки моей травмы, но не мог заставить себя убрать ногу с педали газа.

Сначала я был уверен, что еду прямо, но потом начал сомневаться, не кручу ли я руль. Мне казалось, я лишь слегка выровнял его, но потом я заметил, что он вывернут на два полных оборота. Это мог сделать только я, но я этого не помнил.

Я не понимал, двигаюсь ли вперёд или кружу на месте. Я отчаянно боролся со своими руками

и сознанием. Это было практически невозможно. Органы чувств обманывали меня. Возник страх, что они сговорились, а моё «я» осталось не у дел. Я понимал, что лучше затормозить, но продолжал давить на газ, переключать передачи и беспорядочно метаться по тёмной безлюдной степи.

Со временем белесое марево становилось всё гуще, оно словно обрело физическую форму, стало вязким. Я вспомнил видео, где человек надувал мыльный пузырь, а потом выдыхал в него дым.

Мне казалось, я нахожусь внутри такого пузыря. Всё вокруг было размытым, невидимый барьер сковывал мои действия, не давая вырваться.

Сердце колотилось всё быстрее, дыхание стало прерывистым — до такой степени, что в груди возникла боль. Я испугался, что умру от приступа, и с силой ущипнул себя за бедро, заставляя успокоиться.

В зеркале заднего вида я видел своё раскрасневшееся, опухшее лицо. Состояние было паршивым. Но стоило мне лишь раз взглянуть в отражение, как я уже не мог отвести от него глаз, словно ожидая, что в следующую секунду там появится что-то потустороннее.

У меня начался приступ острой тревоги. Это чувство потери контроля ужасно. Ты борешься с невидимым противником за власть над собственным телом, и он вот-вот победит. Всё предает тебя, даже собственный разум.

Я ехал наугад какое-то время, и тут из рации донёсся звук. Я напряг слух, но там стоял страшный шум, как при плохой связи. Иногда прорывались обрывки фраз на каком-то диалекте, который я не понимал.

Потом устройство снова стало издавать прерывистые звуки, в основном неразборчивые. Иногда я улавливал знакомые слова, но в моём смятенном состоянии не мог их расшифровать.

Среди помех я отчётливо слышал какой-то скрежет, словно что-то волокли по земле. Звук был очень частым, будто множество предметов на колёсах двигались одновременно. На фоне этого раздавались приглушённые голоса, и несколько особенно громких выкриков.

Я узнал эти интонации. Это был не иностранный язык, а родные диалекты. Но в той обстановке это звучало особенно жутко. Что можно так непрерывно таскать туда-сюда? И почему это передаётся по передатчику? Может, кто-то потерял свою рацию? Или она случайно записала, как людей из нашей группы куда-то увлакивают?

В этом тумане что-то было. Я не понимал, какова его цель, но сохранять хладнокровие не мог.

Через десять-двадцать минут блужданий снова прозвучало слово, похожее на ругательство.

Оно было почти таким же, как и предыдущее.

И тут меня охватило дурное предчувствие.

Это слово было мне до боли знакомо. Я отчаянно пытался связать его с обрывками памяти, и наконец картина сложилась.

Мой разум закричал от ужаса и отвращения. Я вспомнил. Это был звук, который абсолютно не мог здесь звучать. Рация работает в радиусе трёх километров, а место, откуда доносился этот голос, находилось по меньшей мере в тысяче километров отсюда.

Это было ругательство. И остальные звуки тоже были знакомы. Я слышал их всего несколько дней назад.

Это был шум южного вокзала.

Тот скрежет — колёсики чемоданов. Голоса людей, спрашивающих дорогу, крики, беготня — всё это было фоновым шумом. Объявления проводников, шаги в вагоне и короткая перепалка из-за того, что кто-то кому-то наступил на ногу. То ругательство стало якорем, который перенёс всю эту сцену ко мне по радиоволнам.

Меня скрутила сильнейшая тошнота. Я не мог объяснить ничего из происходящего. Обычно, когда я удерживал кнопку на рации, звук с той стороны пропадал. Но сейчас я в панике жал на неё снова и снова, а помехи не прекращались. Запись повторялась по кругу, и в конце концов я даже услышал отчётливый стук колёс по рельсам.

Здесь не могло быть южного вокзала, и я не мог поймать сигнал с такого расстояния. Среди всех загадок, в ночном тумане посреди степи, отправлялся в путь поезд — неизвестно откуда и куда.

И снова тот же фрагмент, то же ругательство.

Устройство повторяло эту бессмысленную шумную запись. Словно в какой-то обычный полдень некто стоял на такой платформе с записывающим устройством, зафиксировал этот момент, а потом поднёс микрофон к другой рации и нажал на «воспроизведение», чтобы поделиться со мной этой поездкой.

Он стоял где-то там, в густой степной пелене, и раз за разом, без всякого смысла, транслировал мне этот момент.

Это было предназначено мне? Почему?

К горлу подкатил ком, и меня вырвало. В салоне установилось невыносимое зловоние. Я из последних сил вцепился в руль, чтобы не разбиться. Хотел открыть окно и выбросить передатчик, но рука соскользнула, и он упал мне под ноги. Я не решался отвести взгляд от дороги, чтобы поднять его, и просто ехал вперёд, сломя голову.

Через десять минут рация наконец замолчала. В голове была пустота, я находился в состоянии полного шока. Только тогда до меня дошло, что нужно притормозить. Если я не остановлюсь, у меня кончится бензин, и тогда я точно пропаду.

Я нажал на тормоз. Машина замерла. Запах внутри стал лишь сильнее. Я увидел пачку салфеток под панелью, выхватил несколько и начал вытирать грязь. Я действовал механически, не соображая, что делаю. Просто тяжело дышал и оттирал куртку.

Через некоторое время у меня закружилась голова. На пассажирском сиденье скопилась куча использованных бумажных платков. Один клочок бумаги упал вниз, напомнив мне, что рация тоже там. Я наклонился и потянулся за ней.

Туман немного рассеялся, и видимость стала чуть лучше. Я нащупал прибор и, опустив голову, начал вытирать его. Совсем недавно я испытывал к этой вещи животный ужас, а теперь в оцепенении просто пытался привести её в порядок.

В стекло дважды постучали. Я подумал, что это снова галлюцинация, и не обратил внимания.

Но через мгновение стук повторился. Я поднял взгляд. За задним левым окном маячила какая-то тень. Фигура медленно двигалась в мою сторону.

У меня потемнело в глазах, я едва не лишился чувств. Туман разошёлся ещё сильнее. Впереди раскинулась степь, и свет моих фар теперь пробивал темноту гораздо дальше.

Силуэт подошел вплотную к моему окну. Слабое освещение в салоне позволило разглядеть прищельца. Это была сгорбленная старуха.

Я вздрогнул и инстинктивно отпрянул на пассажирское кресло, прямо на гору грязных салфеток. В этой фигуре было что-то глубоко неправильное, но мой оцепеневший мозг не мог понять, что именно.

Она увидела, что я не реагирую, и снова постучала по стеклу.

— Куда путь держишь? — спросила она.